

дѣятельнаго служенія нуждающимся и обремененнымъ. Даже на этомъ пути невозможно *общее* отрѣшеніе отъ политической злобы дня, невозможно полное сліяніе „охранителей“ съ „либералами“; на пути, рекомендуемомъ г. Ламанскимъ, говорить о чемъ-либо подобномъ можно только въ видѣ шутки, не особенно забавной. Америка, куда зоветъ насъ г. Ламанскій, давно открыта; благотворительность, въ ея обычномъ видѣ, процвѣтала у насъ довольно широко и въ голодные годы (1867—68, 1873—74, 1880—81), и во время сербской кампаніи, и во время восточной войны, и послѣ такихъ пожаровъ, какъ моршанскій, оренбургскій и др. Участвовали въ ней, конечно, и охранители, и либералы. Для ближайшихъ ея цѣлей она не прошла безслѣдно; но привела ли она къ тому, о чемъ такъ наивно мечтаетъ и съ такими претензіями говорить г. Ламанскій? Восполнила ли она пустоту нашей общественной жизни, удовлетворила ли жажду дѣятельности однихъ, исцѣлила ли другихъ отъ лѣни, праздности и скуки? Гдѣ основаніе думать, что повтореніе, въ сравнительно-миниатюрныхъ размѣрахъ, много разъ продѣланнаго процесса приведетъ теперь къ небывалымъ, крупнымъ результатамъ? Участіе въ благотворительной суетѣ — настолько же суррогатъ другихъ видовъ публичной дѣятельности, насколько камень — суррогатъ хлѣба. Рѣчь гр. Толстого была или по крайней мѣрѣ могла быть крупнымъ событіемъ въ нашей общественной жизни; письмо г. Ламанскаго разыграло въ ней роль маленькаго интермеццо, подходящимъ названіемъ которому было бы: „много шуму изъ ничего“.

